

Р.М. Мусабекова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

E-mail: roza709@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1471-8657

Интеллектуальная проза Ю. Домбровского о политических перипетиях XX века

Аннотация. В статье рассматривается раннее творчество писателя Юрия Домбровского как художественная летопись общественно-политических перипетий XX века. Первое его произведение «Крушение империи» или роман «Державин» малоизвестен широкому кругу читателей. В данной статье автор подвергает анализу первый роман писателя, частично (в качестве новогоднего подарка читателям журнала «Литературный Казахстан») опубликованный в трагическом 1937 году, а в полном объеме дойдет до читателей в 1938 г. в самый разгар тоталитаризма. Целью работы является выявить и проанализировать основные художественные стратегии, которые представлены автором в произведении. Методами исследования явились структурный и нарратологический анализ, сравнительно-исторический метод, метод интертекстуального анализа. Исследование вносит вклад в развитие литературного процесса современного Казахстана, требует рассмотрения представленных проблем в более широком контексте глобальной культурной динамики. Это дает возможность взаимодействия с мировыми тенденциями литературы. Центральным образом романа является юный поэт Державин. Ю. Домбровский обращается к образу молодого поэта, еще неизвестного. Для творчества Г.Р. Державина была характерна тема права, правосудия, правозаконности. В романе «Крушение империи» автор подхватил державинскую тему права и развивает ее глубже, в уже новых исторических условиях XX века. Несмотря на несомненный интерес к проблематике подобного плана, в отечественном литературоведении не столь широко представлены работы в рамках междисциплинарных исследований.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов» (регистрационный номер: BR28713085).

Ключевые слова: писатель, власть, свобода, противостояние, независимость.

Р.М. Мұсабекова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

E-mail: roza709@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1471-8657

Ю.Домбровскийдің XX ғасырдағы саяси өзгерістер туралы интеллектуалдық прозасы

Аңдатпа. Мақалада жазушы Юрий Домбровскийдің ерте кезеңдегі шығармашылығы XX ғасырдағы қоғамдық-саяси өзгерістердің көркем жылнамасы ретінде қарастырылады. Оның алғашқы

*** Укажите правильную ссылку:**

Р.М. Мусабекова. Интеллектуальная проза Ю.Домбровского о политических перипетиях XX века // "Керуен". - 2026. №3, (92-том). - Б. 178-194. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2026.3-11>.

«Империяның күйреуі» туындысы немесе «Державин» романы оқырмандардың кең тобына аса таныс емес болып келеді. Бұл мақалада автор жазушының алғашқы романын талдайды. Шығарма қасиетті 1937 жылы «Литературный Казахстан» журналының оқырмандарына жаңа жылдық сыйлық ретінде ішінара жарияланып, толық нұсқасы 1938 жылы тоталитаризмнің ең күшейген шағында жарық көрді. Аталған зерттеудің мақсаты – автордың шығармада ұсынған негізгі көркемдік стратегияларын анықтау және талдау болып табылады. Зерттеу әдістері ретінде құрылымдық және нарратологиялық талдау, салыстырмалы-тарихи әдіс, интертекстуалдық талдау әдістері қолданылды. Зерттеу Қазақстандағы қазіргі әдеби үдерістің дамуына үлес қосып, қарастырылған мәселелерді жаһандық мәдени динамика контекстінде кеңірек қарастыруды талап етеді. Бұл әлемдік әдеби үрдістермен өзара байланыс орнатуға мүмкіндік береді. Романның орталық кейіпкері – жас ақын Державин болып табылады. Ю. Домбровский әлі белгісіз жас ақын бейнесіне назар аударады. Г.Р. Державин шығармашылығына құқық, әділеттілік, заңдылық тақырыптары тән болды. «Империяның күйреуі» романында автор державиндік құқық тақырыбын алып, жалғастырып, оны XX ғасырдың жаңа тарихи жағдайында тереңдете түседі. Осындай мәселелерге деген қызығушылыққа қарамастан, отандық әдебиеттануда пәнаралық зерттеулер аясындағы еңбектер жеткілікті деңгейде ұсынылмаған.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақстандық тарихшылар мен әдебиетшілердің шығармаларын талдау негізінде XX-XXI ғасырдың бірінші ширегіндегі зияткерлік тарихты кешенді пәнаралық зерттеу» тақырыбындағы бағдарламалық мақсатты қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (тіркеу нөмірі: BR28713085).

Кілт сөздер: жазушы, билік, еркіндік, қарсы тұру, тәуелсіздік.

R.M. Mussabekova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

E-mail: roza709@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1471-8657

Intellectual prose by Y.Dombrovsky on the political turnings of the 20th century

Abstract. The article examines the early works of writer Yuri Dombrovsky as an artistic chronicle of the socio-political transformations of the twentieth century. His first work, «The Collapse of the Empire» or the novel “Derzhavin”, is little known to a wide readership. This article analyzes the writer’s first novel, which was partially published in 1937, a tragic year, as a New Year’s gift to readers of the journal Literaturny Kazakhstan, and later published in full in 1938 at the height of totalitarianism. The purpose of this study is to identify and analyze the main artistic strategies presented by the author in the work. The research methods include structural and narratological analysis, the comparative-historical method, and the method of intertextual analysis. The study contributes to the development of the modern literary process in Kazakhstan and requires consideration of the presented issues in a broader context of global cultural dynamics. This provides an opportunity for interaction with global literary trends. The central character of the novel is the young poet Derzhavin. Y. Dombrovsky turns to the image of a young, still unknown poet. The work of G.R. Derzhavin was characterized by the themes of law, justice, and legality. In the novel “The Collapse of the Empire”, the author continues Derzhavin’s theme of law and develops it more deeply within the new historical conditions of the twentieth century. Despite the obvious interest in such issues, domestic literary studies do not widely represent works within interdisciplinary research.

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the project of program-targeted financing of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan on the topic “Comprehensive interdisciplinary study of the intellectual history of the 20th - first quarter of the 21st centuries based on the analysis of the works of Kazakh historians and writers” (registration number: BR28713085)

Keywords: writer, power, freedom, confrontation, independence.

1. Введение

Современная литература Казахстана представляет собой сложный процесс эволюции, в котором представлены различные художественные стратегии. Их сосуществование является уникальным явлением взаимодействия философских концепций. Писатель Юрий Домбровский был противником нормативной эстетики, он воспринимал литературу как жизненную необходимость, понимал ценность и значение искусства. О неблагополучии в художественном мире творчества и об ошибочности бытующих установок заговорили сами литераторы. Долгое время эта борьба была неравной, ревнителям социального заказа были ближе и понятнее указания партийного руководства. В своем творчестве Юрий Домбровский создает художественный портрет таких исторических личностей, как Державин, Байрон, Шекспир, поэтов пушкинской поры: Грибоедова, Веневитинова, Гнедича, Кюхельбекера и др. Не просветительской деятельностью задается автор, сочиняя стихи и эссе по этой тематике. Он изучает историческое прошлое, чтобы добиться не только его адекватного, правдивого изображения.

Актуальность исследуемой темы обусловлена растущим интересом к литературному процессу 30-х годов XX века. Несмотря на существовавшие тогда произведения, которые были посвящены не столь распространенному явлению, когда писателям удавалось говорить со своим читателем об общественно-политических проблемах на страницах толстых литературных журналов. Подготовленный читатель отлично понимал эзопов язык художественного текста писателя. Обращение художников слова к своему читателю было продиктовано многолетним (многовековым) опытом общения писателя с читателем. Той формой общения, которая восходила к истокам литературного процесса XVIII века. Вопросов появлялось много, но говорить о них открыто и откровенно было невозможно. Современный литературный процесс Казахстана требует рассмотрения проблем в более широком контексте глобальной культурной динамики, это дает возможность выявить специфику данного литературного дискурса и его взаимодействие с мировыми тенденциями.

Объектом исследования является первый роман писателя «Крушение империи», представляющий произведение, в котором демонстрируется взаимодействие нескольких художественных стратегий, которые и формируют смысловое поле художественного текста.

Целью данной работы является выявление и анализ основных художественных стратегий, которые представлены автором. Для достижения цели было необходимо решить несколько задач. Исходя из сформулированной цели исследования, в работе определены следующие задачи: исследовать зарождение литературного творчества писателя в высылке; изучить истоки обращения к образу поэта через исторические события XVIII века в книге «Крушение империи» или «Державин»; определить художественные стратегии исторического романа «Державин» в творчестве Ю. Домбровского.

Методами исследования явились структурный и нарратологический анализ, сравнительно-исторический метод, метод интертекстуального анализа.

Научная новизна исследования определяется тем, что первый роман Ю. Домбровского «Державин» рассматривается как один из важнейших

произведений в литературном наследии писателя. Исследование вносит вклад в развитие литературного процесса современного Казахстана, требует рассмотрения представленных проблем в более широком контексте глобальной культурной динамики. Это дает возможность взаимодействия с мировыми тенденциями литературы. Теоретическая значимость исследования состоит в использовании ее результатов в процессе разработки общих и частных теоретических проблем русской литературы Казахстана XX века. Практическая значимость заключается в том, что она представляет интерес при изучении русской литературы XX века, особенностей ее эволюции.

2. Методы и материалы

2.1 Методы исследования

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных филологов, таких как М.М. Бахтин, В.И. Тюпа (Бахтин, 1986; Тюпа, 2006). Большой интерес вызывают работы Д.С. Лихачева, И.А. Виноградова, Б. Эйхенбаума, А. Западова, научные труды казахстанских литературоведов: З.К. Кابدолова, З.А. Ахметова, М.Б. Базарбаева, Р.Н. Нургали, Ш. Р. Елеукенова, Н.А. Джуанышбекова, А. Жаксылыкова, Б.Б. Мамраева А.С. Исмаковой, В. Бадикова, В. Савельевой, М. Мадановой, Б. Толмачева, Л. Сафроновой, С. Ананьевой, Л. Абдуллиной и других ученых. Значительный вклад в изучение исследуемой проблемы в пространственно-временной организации произведения внесли материалы казахской литературы XX века, а также литература дальнего и ближнего зарубежья Шимона Маркиша, Петера Доуля, Станислава Поремба, Ольги Кривошеевой-Мотта, Светланы Гарстен и многих других.

2.2 Материалы исследования

Изучение индивидуального творческого опыта, как особой художественной системы, дало возможность научного осмысления страниц собственной истории, отдельных ее этапов и периодов в истории русской литературы и культуры Казахстана и России. Творчество Юрия Домбровского исследуются зарубежными, казахстанскими и российскими учеными-филологами. Ими рассматриваются проблемы современного литературоведения, связанные с темами права, нравственности и свободы (Поремба, 1988; Doyle, 1995; Garsten, 1996). Свообразным катализатором к исследованию проблем на стыке литературоведения и истории послужило творчество Ю. Тынянова. При всем многообразии междисциплинарных исследований изучение авторских внутритекстовых проявлений, ставших основной приметой прозы всего XX века, является также предметом живого интереса в отечественном литературоведении. В монографии Б.У. Джолдасбековой, Н.К. Сарсекеевой подглавы на тему «Авторский дискурс романа «Державин» и цикла новелл о Шекспире» (Джолдасбекова, 2013). В исследовании ими предпринята попытка раскрыть особенности взаимодействий и взаимосвязей литературоведческого дискурса и художественного текста, особое внимание уделяется природе и функциям дискурса в структуре произведений писателя и методике его исследования. С позиции литературоведческого дискурса рассматриваются произведения Юрия Домбровского о выдающихся художниках слова русской и мировой литературы – У. Шекспире, Дж. Г. Байроне, Г.Р. Державине

в соотношении с произведениями современных писателей Казахстана, авторов произведений о художниках слова и мыслителях – А. Алимжанова, Б. Канапьянова, Т. Абдикова, Т. Асемкулова, Н. Черновой, Д. Накипова, Д. Амантая и др. О феномене Домбровского, о его личности как писателя, и человека в жанре воспоминаний писали в разное время такие казахстанские исследователи и литераторы как Павел Косенко, (Косенко, 2003), (Косенко, 1990); Александр Жовтис, (Жовтис, 1990), (Жовтис, 2000); Морис Симашко, (Симашко, 1990); Нурболат Джуанышбеков (Джуанышбеков, 2005); Аркадий Арцишевский, (Арцишевский, 1999), Ж. Баянбаева (Баянбаева, 2017), Ж. Ергалиева (Ергалиева, 2012) и др. Типологической общности образов главного героя романа «Хранитель древностей» Зыбина и Живаго из романа Б. Пастернака посвящена вышедшая в 1991 году кандидатская диссертация российского исследователя Е. Никитиной (Никитина Е., 1991) В первую очередь, следует упомянуть и исторические романы (Белецкий, 1989; Изотов, 2022). Некоторые исследователи при изучении Державина упомянули его книгу наряду с другими писателями (Федута, 2013; Галимуллина, 2016). Но, его первый роман «Крушение империи» или «Державин» отдельно не рассматривали. Российские ученые Е. Шевченко и А. Макарычев исследуют право и юридические практики той эпохи в произведениях (дилогия «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей»), Державина («Державин», или «Крушение империи») или Шекспира («Три новеллы о Шекспире») писателя Ю. Домбровского (Шевченко, 2021; Макарычев, 2021; Шевченко, 2018). Основное внимание уделяют повествовательному нарративу «каторжной» и «лагерной» прозы. Авторы подводят читателей к тому, что дискурс права обретает такие черты как конфликтность и зрелищность, благодаря взаимодействию с драматургическим и театральным дискурсам (Мороз, 2006).

3. Обсуждение

В условиях, когда настоящее безотраднo, а будущее кажется беспросветным, нельзя не потянуться душой к прошедшему. Читая произведения Юрия Домбровского, мы постоянно ощущаем, как он пытается соотносить описываемое с той эпохой, в которой он живет, с действительностью, где ему приходится жить и бороться, а именно – с действительностью современного ему Казахстана (Домбровский, 1938; Домбровский, 1938; Домбровский, 1987; Домбровский, 1937б; Домбровский, 1937в; Домбровский, 1937а).

Свой путь в литературе он начал в Казахстане. Его первые произведения были опубликованы в 1937 г. в журнале «Литературный Казахстан». То был исторический роман «Державин», повествующий о далеком XVIII веке. В конце 1937 г. были опубликованы только некоторые главы романа «Державин» (Домбровский, 1937с), а все остальное – в 1938 г., но уже под названием «Крушение империи» (Домбровский, 1938). Однако у начинающего писателя не хватило умения, чтобы полностью претворить в жизнь задуманное. Юрий Осипович позднее делает характерное признание: «Я его не дописал, не хватило ни сил, ни умения. Основная идея – преобразующая сила творчества, власть творенья над творцом – требовало таких средств выражения, которых у меня тогда не было ...» (Домбровский, 1973: 61).

Тот факт, что роман был задуман и опубликован в Алма-Ате, объясняется вескими причинами. Они заключались, прежде всего, в личной судьбе автора. 23-летний

юноша, только что окончивший Высшие литературные курсы, был «арестован 20 сентября, 1932 году в г. Москве ОГПУ. Обвинение предъявлено 10 октября 1932 г. по статье 58–10, 58–11 и 74 УК РСФСР. Особым совещанием при коллегии ОГПУ от 28 октября 1932 года выслан в Казахстан сроком на три года». Ему инкриминируется: дискредитация органов защиты диктатуры пролетариата, вождя партии; политическая и антисоветская демонстрация. Находясь в тюремной камере, юноша-узник с горячностью молодого человека выражает взгляды, которые восприняты как вызов существующему режиму. Не всякий арестант мог бы тогда заявить: «Я никогда по-настоящему не был связан с советской действительностью. Никогда и ничем по-настоящему не включался в советскую общественность. Наоборот, в моих взглядах и поступках, в особенности за последний год, усиливались элементы антиобщественные, быстро выросшие в циничское отношение к советской действительности» (Домбровский, 1938).

О тех коллизиях, которые были пережиты писателем, можно сказать стихами, приблизительно датируемыми еще 1929 или 1930 годом:

Я поверил, что сердце –
Глубокий колодец свободы.
А в глубоких колодцах
Вода тяжела и темна...
Я готов дожидаться,
Мучительно плещутся воды,
Я бадью опускаю до самого черного дна!
(Ю. Домбровский, 1929-1930 гг.) (Зверев, 1989:14).

Но, с бунтующим юношей обошлись поразительно мягко. Его выслали в Алма-Ату. Хотя в этом городе Домбровский очутился не по своей воле, он навсегда полюбит этот город, особенно его творческую среду. Дружит с казахскими писателями, занимается переводом их произведений. Теперь, мы более отчетливо представляем, что обращение к образу поэта XVIII века, юного Державина в таком трагическом 1937 году наложило сильный отпечаток на складывающийся стиль молодого Державина. Писатель в своих воспоминаниях об истории создания романа «Державин» («Крушение империи») пишет следующее: «Есть люди – острова, есть люди – архипелаги, есть люди – материки. Державин был весь материковый, весь из одного куска, независимый ни от кого» (Домбровский, 1991).

Читая Державина, мы убеждаемся в том, что художественная образность его произведений под стать размаху русских просторов, огромности исторических потрясений, пережитых Россией. Не случайно Гоголь сравнивал Державина с «церковным органом».

К торжественности Державина, к созданным им образам он обращался, когда говорил о положительном начале в русской жизни, о ее богатырском размахе, которые он хотел осмыслить в своих книгах. Даже сама речь Державина, поэтический язык его гремещ, «слог крупен, как ни у одного из наших поэтов» (Проблема, 1988; Новые тенденции, 1989; Зорин, 1988). Взору Домбровского открывается юность будущего поэта, прапорщика Преображенского полка. Открывается по настойчивому исканию молодым Домбровским истина времени.

Историческое прошлое – это неотъемлемая часть настоящего. Так представляется Домбровскому история, которую следует осмыслить для ориентации в современном мире. Только так можно выработать умение сопротивляться и противостоять идеологическим догматам советского «единомыслия». Человек может сохранить свою «самостоятельность» – индивидуальность, иначе говоря, «себя», если он не потерял духовной связи с лучшими традициями прошлого (Домбровский, 1938).

Направленный на усмирение пугачевского восстания, Державин активно участвует во всех военных операциях. Он молод, умен, силен, горяч и честлюбив. Юрий Домбровский в своем романе ищет ответ на пушкинский вопрос: «Гений и злодейство – две вещи совместные ли? – Я задумал твердо ответить: нет! Ни в коем случае! Молодой Державин подходил для этого как нельзя более» (Домбровский, 1973:61.).

Если духовной опорой Державина по роману писателя явился Сумароков, его поэзия. И если преемником, продолжателем идей Сумарокова оказался Державин, то для самого Домбровского, писавшего роман в самый разгар тоталитарного режима, уже осужденного и изгнанного в Казахстан, Державин становится как бы источником, родником, который давал ему духовные силы и уверенность в противостоянии тоталитарному режиму. Юрий Осипович подхватил и развил дальше «юридическую тему» в «Факультет ненужных вещей».

Возведенная на престол Екатерина Вторая заботилась только об интересах помещиков. По всей России вспыхивали восстания крепостных крестьян, возмущенных самоуправством господ, а летом 1773 г. началась Крестьянская война, возглавленная Емельяном Ивановичем Пугачевым. История не знала столь мощного движения обездоленных, поднявшихся на борьбу со своими угнетателями. К уральским казакам и русскому крестьянству Поволжья примкнули поработанные царизмом башкиры, мордва, татары, киргиз-кайсаки (казахи), чуваша, марийцы, калмыки. Пугачевцы захватили степные станицы и заводы Урала, сожгли Казань, заняли города Самару, Саранск, Пензу, Саратов. Дыхание этой бури ощутил и Гаврила Романович Державин. Произведенный к этому времени в офицеры, он, честлюбивый юноша, отправился на подавление пугачевского восстания. Генерал Бибилов, получив должность Кара, бежавшего с поля боя, набирает офицеров в Тайную Комиссию, долженствующую обосноваться в Казани. Державин, услышав об этом, решил попытать счастья, ибо он был уроженцем этого города и знал немецкий и татарский языки.

Портрет поручика Державина дается в романе через восприятие генерала, которое произвел молодой офицер на главнокомандующего при их встрече «Бибилов с удовольствием рассматривал лицо Державина. Он казался еще тоньше, бледнее и строже при свете восковых свечей. И Бибилов смотрел, рассматривал его удлиненное мальчишечье лицо, с большим ртом и челюстями. Ему можно довериться. Он честен, добр, горяч, но, пожалуй, нет такого жестокого, кровавого и просто бесчестного дела, которое он отказался бы взять на свою ответственность, если того потребует начальник. Поистине странное поколение, загадочные, чудовищные люди появляются и растут в конце семнадцатого столетия!» (Домбровский, 1938).

Пугачевское восстание было в разгаре, и оно принимало угрожающий вид для России. Главнокомандующий правительственными войсками генерал Бибииков читал манифест Е. Пугачева: «Когда вы исполните мое именное повеление, за то будете пожалованы крестом, бороною, рекою и землею, денежным жалованьем и хлебным провиантом, и свинцом, порохом и вечной вольностью.

— Вот указы пишутся: — «свинцом, порохом и вечной вольностью». Как, по-моему, кому они поверят — нам или Пугачеву? За вечную вольность пойдут или за присягу? А? Не знаешь? — Он помахал головой. — Ну, и я не знаю» (Домбровский, 1987).

Видя повсеместно тягу крестьян к своему вождю и заступнику — Пугачеву, вникая в трагические условия их каждодневного быта, Державин, быть может, впервые в жизни по-настоящему глубоко задумался. Здесь, на Волге, он воочию заглянул в беспросветную бездну людского горя.

Поэт и жестокий следователь Тайной комиссии пока мирно живут в одном Державине. Он пишет пошлые и непристойные стихи для узкого круга гусаров. Написал поэму. Ему казалось уже, что поэтическая слава не минует его. Вот закончил писать даже оперу, собирался отдать ее в театр, но потерял рукопись. Найдя ее, принялся переписывать. И сразу же после первых же строк понял ее безжизненность, поразился пустым и громким словам. Здесь следует добавить, что известный исследователь творчества Державина А. Западов пишет о том, что «Державин пришел к поэзии не от школы, не из салонных кружков, а от песни, от солдатской присказки, от жизненного опыта» (Западов, 1958: 53).

Державин происходил из беднейшего служивого дворянства, представителей которого на Украине зовут шпаками, скворцами, бездомниками. Он очень хочет изменить свое положение. А оно возможно только через военную карьеру. Он так и поступает. Поэт прекрасно знал, что работа следователя Тайной комиссии сопряжена не только с допросом и дознанием, но и с насилием, пыткой, расправой. Практически на протяжении всего романа мы не видим сомневающегося в своих деяниях Державина. У него есть цель, и он неуклонно идет к ней, преступая через многое.

Юрий Домбровский, сам прошедший через все круги ада, представляет затем методику работы этой комиссии: «Назывались десятки фамилий и требовалось подробнейшее показание о каждом из них. Этих людей, — которые еще были на свободе, — нужно было оглушить, сбить с толку, заставить сразу же поверить во всеведение комиссии. Поэтому в отношении их интересовались мельчайшими подробностями, отмечали не только слова, но и оттенок голоса, которым они произносили.

Поймав какую-нибудь несущественную подробность, следователи ее поворачивали на все лады, давали ей сотни различных толкований и, наконец, выбрав наиболее эффектное, заносили в протокол. При этом любое, брошенное вскользь и сейчас же забытое слово, могло быть истолковано, как государственная измена» (Домбровский, 1937в; Домбровский, 1938).

Писатель в романе дает развернутую детальную характеристику работе Тайной следственной комиссии. Насколько она была продиктована необходимостью? По-видимому, автор романа полагает, что, чем ярче и выпуклее будет дана картина

«труда» Тайной следственной комиссии, тем острее будет воспринята главная коллизия романа – развенчание Державина-следователя. Но возможно и то, что решение данной творческой задачи Юрием Домбровским было результатом того, что писатель ищет ответы на вопросы: настолько ли важно значение данного органа в системе жизнедеятельности государства, и соответствует ли оно в действительности тому ореолу, который был создан вокруг него его же представителями, а также явными и мнимыми посетителями «данного заведения».

Писатель будет не раз еще обращаться к данной теме в своих последующих произведениях. Им будут даны не только исчерпывающие ответы на эти вопросы, но и будет создан в его диалогии «Факультет ненужных вещей» своеобразный образ – персонаж серого, угрюмого здания по улице Дзержинского, который будет разрастаться все выше и шире прямо пропорционально тому, настолько «тесно» он будет работать с «народонаселением» страны.

Юрий Домбровский ведет речь о том, что человек, перед лицом мощного нарождающегося аппарата государственного сыска, становится бесправен, незащищен. Далее писатель указывает на то, что у всей этой ясной и простой процедуры допросов была тайна. А заключалась она в том, что был подвал, специально оборудованный для тех, кто не хотел говорить. Среди всех пяти следователей самым беспощадным считался Гаврила Романович Державин: «Имя его передавалось из уст в уста, из камеры в камеру и часто ему без пыток удавалось выудить показания у тех арестованных, которые у другого следователя молчали бы и под пыткой» (Домбровский; 1937а; Домбровский, 1938). Усталый и изможденный возвращался молодой следователь домой. Он не мог спать. Ибо стихи не давали ему покоя. Он мучается ночи напролет. Стихи появлялись в голове, готовые перейти на бумагу. Но как только он брался за перо, они ускользали.

Всей этой внешней канве сюжета сопутствует внутренняя, которая тяготеет к той глубокой разобщенности и внутренней несостыковке поэта-Державина и Державина-следователя. Чем выше взбирается по служебной лестнице Державин-следователь, тем острее оказывались душевные терзания поэта. Продолжительное общение с крестьянами привело Державина к соответствующим выводам. Как значительно было для него пережитое в эти дни. Гвардии офицер все чаще уступал в его душе место поэту.

Юрию Домбровскому в этой главе удастся показать, что карьера для юного Державина невозможна, ибо она идет через насилие, вразрез с мироощущением поэта. И только после прочтения стихов Сумарокова «О суетности», после встречи и разговора со своим подследственным Халевиным начинается его прозрение. А по сути – крушение его идей, его идеологии. (Сумароков «О суетности»):

Суетен будешь
Ты человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,

Время проводят,
Все, что не льстит.
Счастье, забава
Светлость корон,
Пышность, слава –
Все только сон.
Как ударяет,
Колокол час,
Он повторяет
Звуком сейчас.
Смертный, будь ниже
В жизни ты сей,
Стал ты поближе
К смерти своей.
Счастье, забава
Светлость корон,
Пышность, слава –
Все только сон.

«Он прочитал стихотворение и медленно сел». Державин задумался. Да, вот о чем он никогда не думал. «Человек рождается свободным, а на земле он везде в цепях», – так сказал ему Халевин на вопрос о причине восстания. Он продолжал думать. «Вся беда в том, что этот странный человек, этот двойной изменник, купец и бургомистр захотел не только рождение и смерть человека, но и жизнь сделать равной для всех. Вот за это его сковали, бросили в тюрьму и приготовили петлю. Кто знает, впрочем, чем все это кончится. Захочет ли простой народ, узревший свободу единожды, снова поменять ее на цепи. Да и с другой стороны взять, исходя из законов моральных, всегда ли родившийся должен дожидаться смерти, чтобы искупить еще раз недоступное равенство?» (Домбровский, 1937с; Домбровский, 1938: 11).

Именно отсюда, с появления мысли-сомнения начнется прозрение Державина-следователя, а по сути – начало творческого разбега поэта-Державина, который уже потом будет утверждать, что долг поэта – возвещать истину, никогда не кривя душой и не словом, что Поэзия, есть «Язык богов, голос истины, проливший свет на человека». И что словесность, труды писателя нужны для того, чтобы передавать слова истины, нести людям правду, и что роль поэта необычайно значительна. Все стирается временем, гибнут на земле города, разрушаются царства и только словом поэта сохраняются они в людской памяти, только слово делает бессмертными деяние человека.

Автор главную проблему человека решает через диалоги своих героев. В романе «самый страшный» из них, по замечанию самого писателя, состоялся между следователем Державиным и преступником Халевиным. Они говорили о жизни и смерти.

Одиозность случая состояла в том, что беседа проистекала не для протокольных записей. Ибо расследование уже было завершено, и получено письмо от

главнокомандующего генерала Бибикова с требованием доставить секретных арестантов в Казань. Но следователю было интересно беседовать с этим человеком. В чем таился его интерес? «Но мятежи, – сказал Державин, – но восстание диких и невежественных, но кровь, затопившая землю, но пожары, но виселицы? Дикари, они может быть и не знали, что их за сие ожидает, были дики и к жизни гражданской не привычны, но вы-то, вы-то, сударь, вы, как человек честный, как могли сию ослепленную толпу за собой повести? Вяжется ли сие с понятием человека благородного? Халевин смотрел на него неподвижно. – Когда человек за убийство ближнего своего мстит, – ответил он с ясной улыбкой, – не равны ли ему топор, кинжал или пистолет. Кроме того, сударь, по моему крайнему понятию, сии народы в дикости и зверстве пребывающие, еще больше прав на существование имеют, чем мы с вами» (Домбровский, 1973; Домбровский, 1938: 12).

Данный диалог достоин того, чтобы привести его полностью, ибо в нем мы найдем ключевые моменты к расшифровке идеи, данной в романе.

« – Новый взгляд, – сказал Державин, – удивительно, то есть». «Халевин посмотрел ему в глаза – Образованность», – сказал он, издеваясь.

– А что вы с вашей образованностью сделали? Дворцы да тюрьмы. Виселицы на каждой улице поставили. Посадили бабу во дворе и 20 миллионов крестьян под ногу ей положили, ибо, что ей бедность человеческая, что ей нужда народная, если она сама в шелках и золоте ходит. А из чего сия роскошь происходит? Из куска недоеденного, из тряпки у хлебороба отнятой. Вы, сударь, каждый день мясо едите, бургундское у вас на столе, а поэтому крестьяне ваши в дерюгах ходят. У вас излишки, у них нет необходимого.

– Но вы-то, сударь, – перебил его Державин.

– Вы-то не ходили нагим и босым. Вы-то яства и пития довольно имели?

– Какое же вам до всего прочего дело было?

« –Извините», – сказал глухо Халевин.

–Я на сей вопрос и вовсе отвечать не намерен, ибо глупость ее вам самим понятна.

Несколько секунд они оба молчали. Это была страшная, тяжелая тишина, которая сказала каждому больше слов» (Домбровский, 1938: 12).

Глубокое осознание ошибочности и даже стыда придет к нему во время разговора с Иваном Халевиным. Развенчание его идей – кульминационный момент романа. Отражением внутренней борьбы, отягощенной философскими размышлениями о несправедливом устройстве мира, является ввод в сюжет романа писателем традиционного приема русской литературы – приема сна. Подтверждением правильности выбора, сделанного Державиным, явилось то, что к нему во сне пришла новая поэзия «... он увидел, ощутил мускульно свой стих и понял, что сейчас уж он от него уйдет, что он поймает его, загонит как редкого зверя и перенесет на бумагу. Стихи, найденные им, были твердые, решительные, быстрые. Ни богинь, ни героев не упоминалось в них. Это были простые, ясные строчки о смерти, о жизни, о неизбежном их равенстве. Трепеща от радости, он оторвал голову от подушки, чтобы записать их... и сейчас же тяжелый как смерть, сон напал на него» (Зверев, 1989; Домбровский, 1938).

Тут является Иван Халевин, бывший губернатор, сдавший пугачевцам без боя Самару, особо тщательно допрашиваемый следователем Державиным. Он в этом сне подходит к постели героя и опускается возле... (Домбровский, 1938).

«Ну что же, Ваше благородие, – сказал Иван Халевин. – Когда же вы исполните обещание свое? Державин с ненавистью посмотрел на него. «Не мешайте! – крикнул он. – Не мешайте мне, потому что я пишу стихи»

Этот крик стал еще одним своеобразным подтверждением того, что стихи для него сами по себе так же важны, как и «поймать» их и «материализовать», перенести на бумагу.

С крушением идеологии Державина начинается его поэтическое созидание.

Один из исследователей творчества Юрия Домбровского Шимон Маркиш во французской истории русской литературы в статье «Заморозки и оттепели» пишет, что роман «Державин» (1939) менее всего представляет собой литературную биографию, но скорее всего это попытка понять судьбу поэта с его жизненным путем» (Шимон, 1990).

Да, действительно Домбровский не ставил своей целью написать биографию поэта Державина. Она уже была написана другими и задолго до него. Но писатель Домбровский уже прошел этап понимания соотношения «судьбы поэта с его жизненным путем». Здесь, по-видимому, Шимон Маркиш имел в виду известную тему о назначении поэта и поэзии. Ее Юрий Домбровский развивает в своей книге о Державине. Но она не является центральной в этом произведении.

Автор романа, как бы ведя речь о ней, отталкивается от этой темы, чтобы начать разговор о главном. А что же было главным? Он, Юрий Домбровский, знал о Державине зрелом, написавшем «Фелицу», «Бог», «Властителям и судиям», в которых поэт высказал мысль: что царь должен строго соблюдать законы, единые, как для него, так и для простых людей, что законы - превыше всего и что в государстве не может быть места самоуправству, а самое главное то, что Державин вполне понимал, что это «такого рода сочинения, какого на нашем языке еще не было». Но писателя Домбровского интересовал Державин юный, он искал истоки его независимости. Откуда поэт Державин находит силы и возможности для проявления гражданской смелости, протеста и борьбы против неограниченной власти Екатерины и ее приспешников и что является доказательством истинности именно такого понимания?

4. Результаты исследования

Каждое произведение Державина – это продолжение темы права, правосудия, правозаконности. Надо признать, что Домбровский в столь немилосердное время сквозь толщу веков отозвался Державину и как истинный гражданин и поэт, чтящий законы людей мира поэзии, подхватил и развил дальше «юридическую тему» в «Факультет ненужных вещей».

Нет, пожалуй, в русской литературе XX века, да и в литературе XIX века такого факта, чтобы на протяжении всего творчества у одного только писателя так долго длилась тема права, свободы, человеческого достоинства, тема «Факультета ненужных вещей». Это потому, что не было в истории развития человеческого общества такого сильного проявления тоталитаризма в стране, как у нас, в XX веке. «Каждое

произведение, – писал еще В.Г. Белинский, – непременно должно рассматриваться в отношении к эпохе, исторической современности, и в отношениях художника к обществу; рассмотрение его жизни, характера и т.п., так же может служить часто к уяснению его создания» (Белинский, 1955: 284).

Это только на первый взгляд роман «Державин» – историческое, приключенческое произведение. Все его составляющие налицо: известные исторические деятели, политические интриги, сыск, погоня, деньги, шпионы, допросы, пытки. Это роман для вдумчивого чтения и подготовленного читателя, ибо его эзопов язык предстояло еще расшифровывать. Через историю он пришел к пониманию удушливой атмосферы беззакония своего времени. В ощущении им гибнущего мира, в художественном постижении казахстанской действительности наличествует печать осмысления автором развязывающейся на его глазах стихии взаимоистребления. Реальный идеологический контекст тех лет, начиная с 30-х годов, реализация народом своих национальных интересов прямо противоречит всей системе тоталитарной власти.

Ломая естественный процесс национального развития, уничтожая проявление индивидуального, самобытного начал народов, советский тоталитаризм с его бессмертным шариковским «взять все и поделить» не мог не столкнуться с самого начала с ожесточенным сопротивлением национальных элит. В этом смысле яркие представители казахской литературы начала XX века Ш. Кудайбердиев, А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов, Ж. Аймаутов, М. Жумабаев знаменуют собой это яростное кровавое противостояние (Новые тенденции, 1989; Исмакова, 1998).

Интонационно и стилистически весь роман ровен и сдержан. Казалось, это умерит внутреннюю напряженность текста, но эффект был обратный, на что и рассчитывал автор. Именно интонация и стиль придадут роману оригинальность. Заложенный в глубине прозы пафос, как камертон, будет все громче звучать даже при внешней ровности интонации, когда автор будет не только описывать методику работы Тайной Следственной Комиссии: «Булькала вода, шипело железо, скрипела дыба. К этим техническим звукам примешивались и другие. Трещали кости, щелкали сухожилия, шипело прижигаемое мясо... За столом сидели следователи и умело дозировали пытку». Но и момент кульминации всего произведения, когда Державин-следователь превращался, становился Поэтом-Державиным.

Исторические события романа постепенно подводят читателя к авторскому выводу о том, что человек во всех сложившихся обстоятельствах должен оставаться верным своему высшему предназначению. В подлинном искусстве произведение, как бы оно биографично не было, никогда не сводится к биографии, анкете. Всегдашний интерес писателя Домбровского к истории и его личный выстраданный опыт раздвигают рамки исторического приключенческого романа, привнося публицистическую заостренность, скрытый автобиографизм. Не в том обычном понимании, а в той соотнесенности Времени, личной судьбы автора с судьбами героев своего романа.

5. Заключение

Роман «Державин» – художественное исследование причин крушения деспотической власти империи. Любой имперский корабль с мощным аппаратом давления дает течь из-за одной только появившейся мысли о свободе. Мыслящий

человек был своеобразной мишенью для деспотизма. А культура – своеобразный аккумулятор мышления. Именно на неразвитый ум и на духовную пустоту опирается деспотизм. «Державин» – не только отражение пестрого «загадочного» времени, но и неизбежный продукт недавней традиции исторического романа реалистического повествования Ю. Тынянова (Зорин, 1988; Золотусский, 1965; Белинкова, 1965; Эйхенбаум, 1941; Юрьев, 1937; Бахтин, 1986). Роман «Державин» останется незамеченным. Незамеченным он останется практически и до сегодняшнего дня. А иначе как объяснить то, что «Краткая литературная энциклопедия» определяет «Крушение империи» и «Державин», как разные произведения (Аксаков, 1955; Подольская, 1978). Таким образом, можно заключить, что роман «Крушение империи» («Державин») представляет собой художественный текст, в котором присутствует философская концепция. Художественное полотно характеризуется размытостью границ, географических и временных, между художественным и историческим дискурсом.

Рассматривая историческое прошлое, в частности, обращаясь к образу поэта Державина, как на неотъемлемую часть настоящего, Домбровский получил своеобразный ориентир в современном для него мире. Человек может сохранить свою «самостоятельность» – индивидуальность, иначе говоря, себя, если он не потерял духовной связи с лучшими традициями прошлого. Образ поэта XVIII века привлек внимание писателя тем, что Державин, когда-то в юности, тоже побывал в казахских степях, подавляя народные восстания. Волна крестьянских войн, докатившаяся до территории казахов, побудила и ее степных жителей взяться за оружие. Сама мысль о свободе заставляла их предпринимать такие шаги, которые приводили их к самому непосредственному участию в этих кровавых побоищах. Роман «Державин» нельзя отнести только к историческому и приключенческому. Он выделяется своей остротой, социальной направленностью.

Годы работы над романом «Державин» не прошли даром: писатель из этого опыта постиг, что отражение исторической действительности, как и современной, не может быть полным, если изображаемое не пронизывает принцип историзма, принцип, который заражен общечеловеческим опытом.

Литература:

1. Аксаков С. Знакомство с Державином. Собрание сочинений в 4 томах. Т.2. – Москва: Гослитиздат, 1955. – 288 с.
2. Арцишевский А. Ненужные вещи в период безвременья...// Мысль. 1999. №5. С. 76-80
3. Баянбаева Ж. Алма-Атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект: автореф. дисс. канд. фил. наук. – Москва, 2017. – 22 с.
4. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – 444 с.
5. Белецкий А. В мастерской художника слова. – Москва: Высшая школа, 1989. – 157 с.
6. Белинкова А. Юрий Тынянов. Москва: Советский писатель // Литературный Казахстан. 1965. 436 с.
7. Белинский В. Полное собрание сочинений. 6 т. Статьи и рецензии. 1842-1843. (Ред. Б.И. Бурсов). – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – 799 с.
8. Галимуллина, А. Синтез документального и художественного в романе И.З. Елегечева «Губернатор» и в биографических повестях о Г. Р. Державине второй половины XX века // Филология и культура. 2016. №4 (46). С. 164–172.

9. Джолдасбекова Б., Сарсекеева Н. Авторский дискурс Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике. – Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 150 с.
10. Джуанышпеков Н. Художник и власть // Книголюб. 2005. № 7–8. С. 56–57.
11. Домбровский Ю. Державин // Домбровский Ю. Смуглая леди: Роман, повести, новеллы. – Москва: Художественная литература, 1987. – 213 с.
12. Домбровский Ю. Державин // Литературный Казахстан. 1937(с). №7-8.
13. Домбровский Ю. Деревянный дом на улице Гоголя // Простор. 1973. №11. С.56-57.
14. Домбровский Ю. Крушение империи // Литературный Казахстан. 1938. №1. С.
15. Домбровский Ю. Жан-Жак Руссо (к 125-летию со дня рождения) // Казахстанская правда. 8 июля 1937(а) г.
16. Домбровский Ю. В. Кюхельбекер (к 140-летию со дня рождения) // Казахстанская правда. 24 июля 1937(б) г.
17. Домбровский Ю. Мастер русского романа (к 125-летию со дня рождения) // Казахстанская правда. 17 июня 1937(в) г.
18. Домбровский Ю. Смерть лорда Байрона // Литературный Казахстан. 1938. №1. С.68-77.
19. Домбровский Ю. Три новеллы о Шекспире // Ю. Домбровский. Хранитель древностей: Роман. Новеллы. Эссе. М.: Известия, 1991. С.143-215.
20. Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом // Алма-Ата, 1991. 400 с.
21. Ергалиева Ж. Литературная жизнь Казахстана в творчестве Юрия Домбровского // «Вестник КазНУ». Серия филологическая. 2012. № 3(137). С. 36–40.
22. Жовтис А. Вопреки эпохе и судьбе // Нева. 1990. № 1. С.173-174.
23. Жовтис А. Юрий Домбровский – узник совести // Эко-курьер. 2000. 25 мая.
24. Западов А. Мастерство Державина. – Москва: Советский писатель. Москва: Советский писатель, 1958. – 261 с.
25. Зверев А. «Глубокий колодец свободы...». Над страницами Ю. Домбровского // Литературное обозрение. 1989. №1. С.14-26.
26. Зорин А. Начало (вступительная статья) // Ходачевич В. Державин. Москва: Книга, 1988. С. 5-36.
27. Золотусский И. Говорящая древность // Сибирские огни. 1965. №10. С.179-181.
28. Изотов И. Проблемы советского исторического романа. – Москва: МАКС Пресс, 2022. – 376 с.
29. Исмакова А.С. Экзистенциальная проблематика возвращенной литературы (Ш. Кудайбердиев, М. Дулатов, Ж. Аймаутов, М.Жумабаев, М.Ауезов) // Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). – Алматы: Ғылым, 1998. – 394 с.
30. Косенко П. Письма друга, или Щедрый хранитель: Исторические хроники. – Алма-Ата: Жазушы, 1990. – С.226-232.
31. Косенко П. Юрий Домбровский, хранитель древностей // Простор. 2003. № 8. С.103-120.
32. Макарычев А. Проблемы правосудия в творчестве Ю.О. Домбровского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Социальные, гуманитарные, медико-биологические. 2021. С. 89-92.
33. Мороз Э. Счастливые люди // Дружба народов. 2006. № 7. С.147-156.
34. Никитина Е. Юрий Домбровский: творческая индивидуальность: Автореферат кандидатской диссертации. – СПб., 1991. – 25 с.
35. Новые тенденции в развитии советской литературы и литературные критики: сборник обзоров. – Москва: АН СССР ИНИОН, 1989. – 166 с.
36. Doyle P. Iurii Dombrovskii's Exile in Alma-Ata // Slavonica. T.2. no1. 1995. pp.71-90.
37. Попремба С. Юрий Домбровский. Заметки, воспоминания, рефлексии // Rusycyst/ studia Literaturozh. Katowice. 1988. P. 117–135.
38. Подольская И. Домбровский Ю.О. // Краткая литературная энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия. 1978. Т.9. – 970 с.
39. Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII - начало XIX вв. – Москва-Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 292 с.
40. Симашко М. Орнаментальная проза // Дружба народов. 1990. № 1. С. 252–262.
41. Garsten S. The Generation of the 1960 s in soviet Literature // Slavonica. Volume 2. no 1. 1996. P. 59-70
42. Тюпа В. Анализ художественного текста. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006. – 254 с.

43. Федута А. «Един Державин». Образ Г.Р. Державина в русской прозе «межвоенного двадцатилетия» / А.И. Федута // Сюжеты и комментарии. Вильнюс: издательство ЕГУ, 2013. С. 222–236.
44. Шимон Маркиш. Заморозки и оттепели // История русской литературы (перевод Мадановой М.Х.). Париж, 1990. С.827-838.
45. Шевченко Е., Макарычев А. Дискурс права и дискурс власти в творчестве Ю.О. Домбровского // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С.214-225.
46. Шевченко Е., Макарычев А. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. №2. №. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-119-124>.
47. Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова // Звезда. 1941. №1. С.130-143.
48. Юрьев Д. (Юрий Домбровский) Пушкин. Роман Ю. Тынянова // Литературный Казахстан. 1937д. №7-8. С.149-154.

References:

1. Aksakov S. Acquaintance with Derzhavin. Collected Works in 4 Volumes. Vol. 2. – Moscow: State Publishing House of Literature, 1955. – 288 p. (in Russian).
2. Artsishevsky A. Unnecessary Things in a Time of Stagnation... // Thought. – 1999. – No. 5. – P. 76-80. (in Russian).
3. Bakhtin M. The Aesthetics of Verbal Art. – Moscow: Art, 1986. – 444 p. (in Russian).
4. Bayanbaeva Zh. The Alma-Ata Local Text in Yu. Dombrovsky's Works: A Functional and Semiotic Perspective: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. – Moscow, 2017. – 22 p. (in Russian).
5. Beletsky A. In the Workshop of the Literary Artist. – Moscow: Higher School, 1989. – 157 p. (in Russian).
6. Belinkova A. Yuri Tynyanov. Moscow: Soviet Writer // Literary Kazakhstan. – 1965. – 436 p. (in Russian).
7. Belinsky V. Complete Collected Works. Vol. 6. Articles and Reviews, 1842-1843 / Edited by B. I. Bursov. – Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955. – 799 p. (in Russian).
8. Dombrovsky Yu. Derzhavin // Dombrovsky Yu. The Dark Lady: A Novel, Novellas, and Short Stories. – Moscow: Fiction, 1987. – 213 p. (in Russian).
9. Dombrovsky Yu. Derzhavin // Literary Kazakhstan. – 1937 (c). – No. 7-8. (in Russian).
10. Dombrovsky Yu. Jean-Jacques Rousseau (On the 125th Anniversary of His Birth) // Kazakhstan Truth. – 8 July 1937 (a). (in Russian).
11. Dombrovsky Yu. The Ape Comes for Its Skull. – Alma-Ata, 1991. – 400 p. (in Russian).
12. Dombrovsky Yu. The Collapse of the Empire // Literary Kazakhstan. – 1938. – No. 1. (in Russian).
13. Dombrovsky Yu. The Death of Lord Byron // Literary Kazakhstan. – 1938. – No. 1. – P. 68-77. (in Russian).
14. Dombrovsky Yu. The Master of the Russian Novel (On the 125th Anniversary of His Birth) // Kazakhstan Truth. – 17 June 1937 (v). (in Russian).
15. Dombrovsky Yu. The Wooden House on Gogol Street // Expanse. – 1973. – No. 11. – P. 56-57. (in Russian).
16. Dombrovsky Yu. Three Novellas about Shakespeare // Dombrovsky Yu. The Keeper of Antiquities: A Novel, Novellas, and Essays. – Moscow: News, 1991. – P. 143-215. (in Russian).
17. Dombrovsky Yu. V. Küchelbecker (On the 140th Anniversary of His Birth) // Kazakhstan Truth. – 24 July 1937 (b). (in Russian).
18. Doyle P. Iurii Dombrovskii's Exile in Alma-Ata // Slavonica. – 1995. – Vol. 2, No. 1. – P. 71-90. (in English).
19. Dzholdasbekova B., Sarsekeeva N. Yu. O. Dombrovsky's Authorial Discourse in the Context of Contemporary Kazakhstani Prose about the Artist. – Almaty: Kazakh University, 2013. – 150 p. (in Russian).
20. Dzhuanyshpekova N. The Artist and Power // Book Lover. – 2005. – No. 7-8. – P. 56-57. (in Russian).
21. Eichenbaum B. The Works of Yu. Tynyanov // Star. – 1941. – No. 1. – P. 130-143. (in Russian).
22. Ergalieva Zh. Kazakhstan's Literary Life in Yuri Dombrovsky's Works // KazNU Bulletin. Philology Series. – 2012. – No. 3 (137). – P. 36-40. (in Russian).

23. Feduta A. "Derzhavin Alone": The Image of G. R. Derzhavin in Russian Prose of the "Interwar Twenty Years" / A. I. Feduta // Plots and Commentaries. – Vilnius: European Humanities University Press, 2013. – P. 222-236. (in Russian).
24. Galimullina A. The Synthesis of Documentary and Fictional Elements in I. Z. Elegechev's Novel "The Governor" and in Biographical Novellas about G. R. Derzhavin from the Second Half of the Twentieth Century // Philology and Culture. – 2016. – No. 4 (46). – P. 164-172. (in Russian).
25. Garsten S. The Generation of the 1960s in Soviet Literature // Slavonica. – 1996. – Vol. 2, No. 1. – P. 59-70. (in English).
26. Ismakova A. S. Existential Issues in Recovered Literature (Sh. Kudaiberdiev, M. Dulatov, Zh. Aimaurov, M. Zhumabaev, M. Auezov) // Kazakh Literary Prose: Poetics, Genre, and Style (The Early Twentieth Century and the Present). – Almaty: Science, 1998. – 394 p. (in Russian).
27. Izotov I. Problems of the Soviet Historical Novel. – Moscow: MAKs Press, 2022. – 376 p. (in Russian).
28. Kosenko P. A Friend's Letters, or The Generous Keeper: Historical Chronicles. – Alma-Ata: Writer, 1990. – P. 226-232. (in Russian).
29. Kosenko P. Yuri Dombrovsky, the Keeper of Antiquities // Expanse. – 2003. – No. 8. – P. 103-120. (in Russian).
30. Makarychev A. Issues of Justice in Yu. O. Dombrovsky's Works // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences. – 2021. – P. 89-92. (in Russian).
31. Markish Shimon. Freezes and Thaws // A History of Russian Literature / Translated by M. Kh. Madanova. – Paris, 1990. – P. 827-838. (in Russian).
32. Moroz E. Happy People // Friendship of Peoples. – 2006. – No. 7. – P. 147-156. (in Russian).
33. New Trends in the Development of Soviet Literature and Literary Criticism: A Collection of Reviews. – Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences, USSR Academy of Sciences, 1989. – 166 p. (in Russian).
34. Nikitina E. Yuri Dombrovsky: Creative Individuality: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Sciences. – Saint Petersburg, 1991. – 25 p. (in Russian).
35. Podolskaya I. Dombrovsky Yu. O. // Concise Literary Encyclopedia. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1978. – Vol. 9. – 970 p. (in Russian).
36. Poremba S. Yuri Dombrovsky: Notes, Memories, and Reflections // Rusycyst / Literary Studies. – Katowice, 1988. – P. 117-135. (in Russian).
37. Shevchenko E., Makarychev A. On Certain Features of Literary and Legal Narrative in Russian Literature // Samara University Bulletin. History, Pedagogy, Philology. – 2018. – No. 2. – P. 119-124. – DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-119-124>. (in Russian).
38. Shevchenko E., Makarychev A. The Discourse of Law and the Discourse of Power in Yu. O. Dombrovsky's Works // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. – 2021. – No. 1. – P. 214-225. (in Russian).
39. Simashko M. Ornamental Prose // Friendship of Peoples. – 1990. – No. 1. – P. 252-262. (in Russian).
40. The Problem of Historicism in Russian Literature: The Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. – Moscow–Leningrad: Science, Leningrad Branch, 1988. – 292 p. (in Russian).
41. Tyupa V. Analysis of a Literary Text. – Moscow: Academy Publishing Centre, 2006. – 254 p. (in Russian).
42. Yuryev D. (Yuri Dombrovsky). Pushkin: A Novel by Yu. Tynyanov // Literary Kazakhstan. – 1937 (d). – No. 7-8. – P. 149-154. (in Russian).
43. Zapadov A. Derzhavin's Craftsmanship. – Moscow: Soviet Writer, 1958. – 261 p. (in Russian).
44. Zhovtis A. Defying the Era and Fate // Neva. – 1990. – No. 1. – P. 173-174. (in Russian).
45. Zhovtis A. Yuri Dombrovsky: A Prisoner of Conscience // Eco-Courier. – 25 May 2000. (in Russian).
46. Zolotussky I. Antiquity Speaks // Siberian Lights. – 1965. – No. 10. – P. 179-181. (in Russian).
47. Zorin A. The Beginning (Introductory Article) // Khodasevich V. Derzhavin. – Moscow: Book, 1988. – P. 5-36. (in Russian).
48. Zverev A. "The Deep Well of Freedom...": Reflections on the Pages of Yu. Dombrovsky's Works // Literary Review. – 1989. – No. 1. – P. 14-26. (in Russian).